

Дела сыскных подразделений

АЛЕКСАНДР САРАЕВ

ТАРИФ «РАЗБОЙНЫЙ»»

Александр Сараев

Тариф Разбойный

«Автор»

2026

Сараев А. С.

Тариф Разбойный / А. С. Сараев — «Автор», 2026

Мы часто ругаем наших правоохранителей. Но редко задумываемся о том, что они наша единственная защита от криминала. Полиция, милиция... Названия меняются, а задача уголовного розыска остаётся одна - борьба с преступностью. Об этом и пойдёт речь в книге.

© Сараев А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	25
-----------------------------------	----

Александр Сараев

Тариф Разбойный

Дела сыскных подразделений

Александр Сараев

Тариф Разбойный

Чита - 2025

Моей семье, друзьям и товарищам по службе посвящается

—1—

Был тёплый июньский вечер. Сонные мухи, изнемогая от жары, лениво летали, еле-еле передвигая крыльями. Закат багряно таял где-то вдали. Облака скапливались серой массой, обещая скорый дождь.

В коридорах Управления внутренних дел было непривычно тихо и спокойно. Оперуполномоченный Сергеев отбывал очередное дежурство в СОГ¹. Он с завистью посматривал из окна на улицу, где безмятежно прогуливались гражданские, и закуривал очередную сигарету. Вспоминалось, как сидел он с удочкой на берегу Ингоды и мечтал стать великим мореплавателем, вдыхать солёные брызги на палубе корабля и сражаться с исполинскими волнами, как у Айвазовского. Да и кому из мальчишек это не виделось?

Увы, мечты так и остались мечтами. А дальше? Дальше была армия, по возвращению из которой Сергеев почти сразу столкнулся с расцветающей дворово-босяцкой культурой. Первый же разговор на «Чё каво» и вопросом «Ты кто по жизни?» — закончился дракой. Удивительно, но проповедующая блатную жизнь молодёжь не погнушалась написать заявление о побоях. Так Сергеев впервые оказался в местном ОВД. Участковый выслушал пылкое объяснение молодого человека, оценил ссадины на его лице и протянул два бланка для ознакомления. Один — незаполненный бланк протокол допроса подозреваемого, а второй заявление на поступление в Читинскую среднюю школу милиции. Выбор был очевиден.

Потом была учёба в школе милиции, вручение диплома, лейтенантские погоны и оперская работа в Черновском отделе внутренних дел. Теперь, будучи капитаном, он с улыбкой вспоминал эти дни. А тогда молодой лейтенант столкнулся со всеми реалиями самой грязной стороны человеческих жизней. Часто за полночь оставался на работе — не зная, как справиться с обрушившимся на него потоком людского горя. Каждое заявление давало новый комок несчастья — кражи, грабежи, убийства. Все смешалось в голове молодого опера в один бесконечный день: выезд на место очередного преступления, молящие глаза потерпевшего, задержание пытавшегося скрыться ворюги и плачущая возле дежурки женщина, которую избил пьяный муж.

Неожиданный звонок резанул по нерву. Посиделки в кабинете закончились!

— Саня собирайся, у нас труп! — уныло сообщил дежурный в телефонную трубку.

Начало не предвещало ничего хорошего. Сергеев глотнул из стакана остатки чая, взял папку и спустился в дежурную часть.

— Похоже, таксист, — дежурный исподлобья глянул на опера. Понимание, что быстрой сдачи дежурства утром не получится, отразилось в глазах обоих.

¹ СОГ — следственно—оперативная группа.

Сергеев до боли стиснул зубы. Второй месяц в городе было беспокойно. Злоумышленники совершали нападения на водителей такси и похищали автомашины. Свои злодеяния они совершали в самых тёмных, не освещённых фонарями переулках забайкальской столицы. Свидетелей и зацепок пока не было. Мелькнула мысль: «Неужели до убийства докатились?»

— Где?— резко выдохнул опер.

— В лесу, возле посёлка Застепь. Знаешь где?

— Знаю, моя бывшая территория.

— Женщина коз пасла в лесу и наткнулась. Ответственный в курсе. Сейчас подойдёт машина. Поедешь вместе с ним.

Новый звонок на «02» прервал их разговор. Сергеев взял со стола лист, на котором мелким почерком было написано: «05.06.2005 года около 17:00 часов в двух километрах от посёлка Застепь обнаружено тело мужчины. На вид 30—35 лет, среднего телосложения, одет в футболку серого цвета, джинсы темно синего цвета, при себе имел документы на автомашину «Тойота — Камри» 1998г.в. государственный номер Ю037ЮЮ, зарегистрированную на Ване-ева Владимира Николаевича 1976г.р. Имеются следы пулевого ранения в грудь».

— Можешь выходить, машина подошла. Группа с Черновского уже работает на месте. Потом зайдёшь расскажешь, — крикнул вдогонку дежурный.

Сергеев направился к выходу из УВД. В коридоре он столкнулся с ответственным по управлению полковником Белимовым Сергеем Аркадьевичем.

— Здравствуйте, — поздоровался Сергеев.

— Здорово. Ну рассказывай. Звонил в отдел? Есть что нового?

— Не успел. Машина подошла.

— Ладно поехали, на месте разберёмся.

Выйдя из управления, они сели в служебную Волгу Белимова и направились в район.

Поездка в Черновский немного грела душу Сергеева. Родной отдел, ставший и домом, и началом службы был для него больше, чем просто место работы. Сходный, пожалуй, с понятием малой родины, которую он покинул около полугода назад, попросив перевод в управление на должность старшего оперуполномоченного отдела по борьбе с разбойными нападениями. Сейчас, проезжая по улице, он вспоминал почти каждый дом.

В этом, кривобоком с разбитыми стёклами на веранде и изломанным палисадником живёт вор-карманник. В том, с крепкими воротами и злощей собакой в ограде, притон для жаждущих выпить и «уколоться». Здесь, под укрытием старого навеса стояли в засаде с напарником, а чуть дальше за киоском задерживали грабителей. И ещё многое-многое приходило на память, пока ехали к месту обнаружения трупа.

Дорога подсовывала новые ямы и ухабы под колеса, приближала их к мрачному, серому зданию отдела внутренних дел. Наверное, никогда ни одному зданию не выпадало видеть столько горя, грязи, слёз, ненависти и злобы, как зданиям отделов внутренних дел. И Черновский не был исключением.

У входа в отдел дежурный шагами мерил крыльцо, ожидая приезда начальства. «Уже сообщили», — подумал Сергеев.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Дежурный по Черновскому ОВД майор Усов. На территории района зарегистрировано...

— Подожди, не спеши, — перебил его полковник: — Начальник ОВД у себя?

— Нет, выехал на таксиста. Следственная группа тоже там. В прокуратуру сообщили.

— Хорошо. Пойдём, на карте покажешь где нашли.

Полковник скрылся во входе в отдел, дежурный почтительно отстал.

— Здорово, Семён. Нелёгкая у тебя смена, — протянул Сергеев руку Усову.

— Здорово Саня. И не говори. Ты тоже по этому делу?

— Да, дежурю сегодня по управлению. Пойдём, — шагнул Сергеев в здание отдела.

В сумрачной дежурке царила прохлада. Железные ставни с бойницами на окнах почти не пропускали внутрь солнечные лучи.

Дежурный показал место на карте и коротко объяснил, что местная бабулька с утра ушла коз пасти. Ближе к вечеру прибежала в деревню насмерть перепуганная и, заикаясь, рассказала, что в лесу мужика мёртвого нашла.

— Я в управление передал. О подробностях пока не скажу,— закончил Усов.

— Сотников там? — спросил Сергеев.

— Да, все туда уехали: и Сотников, и Костроменко.

— Ладно, капитан поехали, на месте разберёмся, — полковник вышел из дежурки и направился к выходу из отдела.

— Семён,— окликнул дежурного Сергеев: — Сознаться, грешил перед дежурством?

— Да вроде ничего такого не делал, — развёл Семён руками: — И пили в меру.

— Ну-ну,— неодобрительно хмыкнул Сергеев.

— У нас с утра приключения начались. Доставили подозреваемого по краже, а при нём объект покушения. Точнее ценное вещественное доказательство — поросёнок. Пока участковый бумаги составлял, это хрюкающее недоразумение сбежало из кабинета. Гулял, гулял хрюндель по коридору и залез с бомжами в «обезьянник». Познакомиться. Представляешь как они обрадовались такой встрече? Эта малолетняя испуганная свинья орала так, что у меня до сих пор звон в ушах стоит!

— Ладно бывайте, — улыбнулся Сергеев: — Может, ночь спокойной будет.

— Дай бог, а то мне и этого хватает.

Усов сел за пульт дежурного. Когда-то он тоже был опером и вся работа Сергеева ему была прекрасно знакома. Уставший от погонь и засад, Семён перешёл в дежурную часть, дорабатывать свой срок до пенсии.

Сергеев вышел из отдела: «Что ж, посмотрим, — мрачно подумал он. — Кто? Зачем? Почему?» — вопросы роились в его голове, и каждый зудел и царапал, как злобная колючка за воротом. «Волга» фыркнула мотором и, набирая ход, направилась к Застеппи.

Посёлок располагался на склоне горы, недалеко от города. К сожалению, цивилизация заканчивалась вместе с асфальтом, а дальше начиналась обычная российская деревня, с остатками зданий зернохранилища, фермы, ржавеющими комбайнами и старыми деревянными домами, молодость которых осталась в 50—х годах прошлого века. Коровы и козы паслись на помойке, сваленной возле придорожной ямы. Молодёжь рассекала по улицам на мотоциклах. И видно было, что некоторые были под градусом. Больно уж бойко лавировали мотоциклы между улиц, при виде машины с милицейскими номерами. А где-то недалеко в лесу лежал труп, душа которого ещё парила над деревней в воздухе. Клубы пыли срывались от колёс «Волги» в воздух. Через несколько секунд они вновь мирно возвращались на землю, ожидая новую автомашину. Дорога уходила в лес и неожиданно терялась среди грязи. В лесу справа от дороги показался двигающийся в их сторону УАЗик.

— Притормози, — скомандовал Белимов. Водитель остановил машину, перегораживая дорогу УАЗу. Сергеев вышел из «Волги» и жестом остановил машину.

— Здравствуйте, — подошёл он к водителю УАЗика, спешно доставшему права и документы: — В лесу из милиции никого не встречали?

— Здравствуйте, — лицо водителя посветлело, от волнения он слегка заикался: — Так мы как раз от ваших и едем. У них «ГАЗель» застряла, так мы вытащить помогли. Говорят, трупак в лесу нашли. Не расскажете, что случилось?

— Вроде нашли,— неопределённо ответил Сергеев.

— А-а,— протянул водитель УАЗа, расстроенный, что нечем будет козырнуть в посиделках на завалинке.

— Сами ещё толком не знаем. А далеко до них? — сменил Сергеев тему разговора, прекращая нежелательные расспросы.

— Да с полкилометра будет. Только дорога ужас, лучше не соваться.

— Ладно, спасибо, — сказал Сергеев, садясь в салон «Волги».

«Теперь все будут в курсе. Сарафанное радио быстрее ветра разносится, — думал Сергеев: — А к вечеру молва до восьми трупов дорастёт, да все, мол, без голов, да с вырезанным сердцем, посреди астрального круга. Ну, или ещё что-нибудь придумают».

— 2 —

А в это время в полукилометре от них начальник Черновского ОВД Саломатов стоял со своим замом Костроменко возле трупа пока официально пока не установленного мужчины.

— Ну, и сколько их ещё будет, Алексей Михайлович? Чего ждём? Когда сверху очередного пинка дадут? — наседали Саломатов на заместителя: — У меня эти указания «усилить, углубить» уже поперёк горла. Бери всё под свой личный контроль и чтоб результат был, а то... А то вместо меня на коллегия поедешь. Мне уже надоело за «глухари» выслушивать. Вот точно! Сам поедешь, да покрутишься перед генералом как уж на сковородке.

Костроменко хотел, что-то ответить, но заметил приближающуюся «Волгу».

— Егор Андреевич, кажись, с управы пожаловали.

Саломатов обернулся. Гости из управления ему всегда не нравились. Чувствуя себя хозяином, он не любил, когда руководство, словно назойливые соседи, приезжало проведать его вотчину. Понимая, что доклада не избежать, он с неохотой сделал шаг к «Волге».

— Ездят тут, — думал Саломатов, — проверяющие, мля... а толку ноль. Будто сами не знают что времени и людей вечно не хватает, а я пляши перед ними как мальчик для битья.

Но вылезавшему из машины Белимову он этого вслух не сказал.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — откозырявшись, протянул Саломатов свою руку.

— Здравствуй, Егор Андреевич, — ответил Белимов.

На приветствие Сергеева Саломатов не ответил и стал отводить Белимова подальше в сторону от подчинённых, что-то объясняя на ходу.

— Здравствуйте, — подошёл Сергеев к Костроменко: — Что Михалыч, невезуха прёт?

— Здорово, — пожал тот руку Сергеева: — Слава богу вы подъехали! Хоть от меня этот Саломат отвязался. Сколько его знаю, никак не пойму — чего в нем больше сала или матов? Его ещё недавно в областной управе по убийствам отчитали, так они ему теперь хуже ёжика в горле, — ухмыльнулся Костроменко.

— Даа. С Управой не пошутить, — согласился Сергеев и потёр шею: — А может всё таки самострел, — махнул он в сторону трупа.

— Саня! Вот ей богу, не смешно!

— Молчу, молчу, — примирительно замахал руками Сергеев: — А почему решили, что таксист?

— Документы есть, авто отсутствует.

— Понятно. А где Сотник?

— Домой к нему поехал, — кивнул в сторону трупа Костроменко: — Он вроде как с братом его знаком. Да сразу узнает, подтверждается ли версия с нападением.

— Что ещё есть?

— Пока осматривают. Наши вокруг лес обходят, да в Застепах по дворам спрашивают, может, кто-нибудь чего-нибудь необычного видел. А так пока глухо...

Сергеев достал сотовый телефон и набрал номер.

—

Невысокий, худой, как гончая, Сотников Андрей, скорее напоминал пацана, чем сотрудника милиции. Взглянув на него, никто никогда бы не догадался, что это начальник уголовного розыска Черновского отдела. Когда-то он работал участковым в сельском райотделе, но его голова скучала, не находя интереса в раскрытии кражи лопаты у дяди Пети или гусей у бабы Маши. В поиске новых возможностей энергичный Андрей оказался в уголовном розыске Черновского ОВД, где вскоре был повышен до старшего оперуполномоченного, начальника отделения и наконец, до начальника уголовного розыска. Теперь, и особенно в последнее время, его головушке некогда было отдыхать. Ему и звонил Сергеев.

— Алло, Андрей, здорово!

— Привет. Как дела?

— Да ничего, стою в лесу, птички поют. Благодать сплошная.

— Значит, тоже по таксисту приехал? Видимо дежуришь, а то чтобы ты там делал.

— А вы догадливы, товарищ Сотников. Сам-то где?

— Я сейчас с евошним, то есть, труповым братом разговаривал,— поёрничал опер: — Он к вам подъехать должен. Труп этот местного Ванеева. Брат приедет, ещё точно скажет он, это или не он, но, по-моему, всё очевидно. Так вот: Ванеев в такси «Сокол» работал, на рации по заказам разъезжал. Я сейчас к ним в контору сметаюсь. Может, что интересное расскажут.

— А когда он из дома уехал?

— Вчера вечером. Как обычно таксовать отправился. На связь не выходил. Да они и не шибко беспокоились. Думали, забухал где-то.

— Ладно, до связи.

— Пока, позже созвонимся.

«Да, не весело», — размышлял Сергеев, убирая телефон: «Машина не найдена, стало быть, и рация в ней, да может ещё какое барахло. Стоп! А сотовый телефон? Что ж я Сотникова сразу не спросил?» Но абонент был уже вне зоны действия. «Надо ещё раз самому осмотреть одежду и документы, да с братом поговорить», — решил для себя Сергеев.

Осмотр трупа — не самая приятная часть работы милиции. Казалось, ледяной холод мёртвого ощущался на расстоянии.

Г

его застыли и смотрели в одну точку. С виду, человек замер, позируя фотографу в какой-то бессмысленно глупой позе: с прижатой к груди одной и отброшенной вверх другой рукой, ноги согнуты, словно он бежит по воздуху... Тянувшаяся за мужчиной полоса разворошённого лесного покрова, приоткрывала печальную картину случившейся здесь несколько часов назад трагедии. Он хотел жить, пытался спастись. Все оставшиеся силы он прилагал, чтобы ползти, ползти к людям, ползти к спасению, и как можно дальше от того места, где он получил такую страшную плату за поездку.

Возле тела на корточках сидела следователь и что-то записывала в протокол.

— Здравствуйте, Анна Евгеньевна, — от голоса Сергеева женщина вздрогнула, потом кивнула.

— Здравствуй, Александр Романович. Вас тоже вызвали? — взглянула следователь на Сергеева, тот в свою очередь кивнул головой: — Сколько их описываю, а привыкнуть все никак не могу, — вздохнула она.

— Медик уже осмотрел?

— Да, он с Сотниковым уехал.

— Что-нибудь изъяли?

— Так, по мелочи — документы на машину, паспорт, ключи, деньги около двух сотен, — она отвечала, продолжая писать бумаги.

— А телефон?

— Не было. Может в машине остался.

— Может быть. Я ещё раз осмотрю?

— Смотри, пойду до эксперта схожу.

Сергеев склонился над трупом. Руки не связаны, видимо не боялись, что убежит, возможно, без сознания был. Футболка, джинсы, кроссовки. Наколоч нет. Что-то неуловимое мелькнуло перед глазами. Сергеев вновь и вновь осматривал тело, но никак не мог понять, что он мог пропустить. Что-то упущено, но что? Руки? Точно, руки. Костяшки пальцев опухли или, вернее сказать, были разбиты, как будто добрый час ими по груше колотили.

— Анна Евгеньевна, можно Вас, — обратился он к следователю, всем своим видом показывая, что хотел поговорить.

— Что? — спросила она, подойдя к Сергееву.

— Ань, наш мужичок-то ещё тот боевик. Смотри. Все костяшки на пальцах кисти разбиты, а здесь ссадина. Такое чувство, что в зуб попал кому-то.

— Это ещё не факт, может, где-то до этого подрался.

— Щербатый убийца. Когда поймает, первым делом количество зубов проверить нужно.

— Всё шутим? — прозвучал расстроенной скрипкой голос подошедшего Саломатова: — Какой ты был, Сергеев, таким и остался. Раскрывать, работать надо! Хрен ли тут копать?

Сергеев не ответил. Саломатов вообще мало ему нравился. Его показная напыщенность и осведомлённость не скрывали жадную, властолюбивую сущность. Спорить с таким, что самому в лужу грязную окупаться.

— Товарищ полковник, — Саломатов обратился к Белимову: — Я поеду, мне на совещание в администрацию нужно. Алексей Михайлович! — небрежно кинул он заместителю: — А вы, как приедете в отдел, зайдите ко мне. Если что сразу звоните! — добавил он, отойдя к машине.

— Мы тоже, наверное, поедим, — было заметно, что полковник, выяснив всё, что нужно, скучает от безделья: — Сергеев, ты закончил?

— Ещё минуту, товарищ полковник, — сам Сергеев сейчас с удовольствием бы остался на месте происшествия. Ему как оперу, нужно было рыть землю, искать улики, но по лицу полковника было件нятно, что отрицательный ответ его никак не устраивает: — Аня, с прокуратуры следователь приехал?

— Я сама с прокуратуры, — удивила его Анна.

— Как так?

— Перевелась пару недель назад.

— Поздравляю. Ты у нас старший следователь прокуратуры?

— Нет, просто следователь.

— Понятно. Дело ты возбуждать будешь?

— Скорей всего, а дальше сам знаешь — кому поручат.

— Ладно, тогда я позже загляну.

— Пока, — улыбнулась она Сергееву.

— До встречи.

«Толковый Анька следователь», — думал, удаляясь, Сергеев. Анна Евгеньевна Величко не раз выручала его, подсказывала, видя огрехи и недоработки. А то вроде как она именно скрывала, потасовывала

А какие изумительные протокола допросов выходили из под её руки, Куприн бы обзавидовался. Да что Куприн, даже вор—рецидивист дядя Гриша, по прочтению изложенной Величко истории собственной жизни, горько прослезился и предложил следователю бахнуть по стакану спирта. Он даже не сердился, когда она, по окончании допроса составила протокол задержания и старого сидельца водворили в ИВС².

В другой раз, задержанный молодой человек слишком увлёкся порхающими по клавиатуре пальчиками Величко и перестал следить за языком. В итоге он рассказал следователю обо всех своих прегрешениях, которых набралось аж на пять составов.

«Жаль. Милиция потеряла ещё одного профессионала,» — мелькнула мысль, когда Сергеев садился в машину.

Через мгновение «Волга» тронулась с места, заурчала недовольно мотором и начала пробираться через чащобу. Неумолкаемо чирикали птицы. Деревья, недавно принарядившиеся в летний наряд, радовали глаз яркой зеленью. Тем страшнее был холодный, оставшийся сзади в нелепой позе человек, на фоне этого яркого летнего дня.

— 3 —

Дежурные сутки заканчивались. Утро лениво выползало из своей загоризонтной кровати, нехотя пробуждая солнце. И всё медленней и медленней ползла стрелка настенных часов, отмеряя время до прихода смены.

Доложив об оперативной обстановке начальнику УУР Матвееву, Сергеев передал ключи и журналы регистрации очередному дежурному оперу и звучно зашагал по тёмному коридору управы к выходу. Труп Ванеева никак не выходил у него из головы.

«Преступники перешли черту. Они почувствовали власть и не преминули ею грязно воспользоваться — лишили жизни человека», — рассуждал Сергеев: «Жестoko они с ним поступили. Значит, либо сопротивлялся отчаянно, либо узнал из них кого-нибудь». Он строил всё новые догадки и предположения. «Надо найти Сотникова», — решил опер. Он остановил маршрутку не доезжая своей остановки и направился в Черновский отдел. Спать не хотелось. Нелепый труп на фоне яркой зелени, стоял в глазах.

—

Планёрка у оперов проходила как всегда оживлённо. Двери в кабинет начальника криминальной милиции были плотно прикрыты, но даже через них ощущался накал привычных разборок.

— И когда ждать результат? Небось, на благодать какую надеетесь? Так знайте, что не будет! Три глухих разбоя за месяц, а теперь ещё труп на отдел повесили. Я-то пенсионер, мне-то ничего, а вы? А? Когда с управы приедут, что говорить будете? — сделав эффектную паузу, Костроменко засобирался.

— Андрей Сергеевич, — обратился он к Сотникову: — Я в Управление, а вы готовьте план мероприятий. Всё, как и обговаривали.

Сотников кивнул головой. Ночью они долго сидели с Костроменко, решая какие дальнейшие действия предпринять, но, так и не сойдясь во мнениях, разошлись под утро по домам. Воспользовавшись тем, что начальник КМ³ укатил на очередное совещание, Сотников решил организовать работу по своим задумкам. Оставив после планёрки Свиридова, старшего опер-

² ИВС- изолятор временного содержания.

³ КМ- криминальная милиция

уполномоченного по раскрытию тяжких преступлений против личности, именуемого в простонародье «убойным отделом», Сотников спросил для начала о его соображениях на этот счёт.

— Сергеич, а чё здесь думать? Как обычно — машина, деньги. Водила хотел убежать, они его и грохнули. Всё. Отморозки какие-то, могли бы оглушить — убивать-то зачем?

— Ладно. Ты стажёра с повестками не отправил куда-нибудь?

— Нет. На месте. Дела старые подшивает.

— Пусть возьмёт списки застепинских уголовников. Потом вместе с участковым проверят их в деревне.

Свиридов кивнул.

— Вчера в «Соколе» сказали, что Ванеев таксовал у них. Последний вызов в 22:46 по адресу Энская 44. Звонили с сотового 8-xxx-xxx-00-01. Надо запросы подготовить. Потом отвезти в паспортный стол и компанию связи. Озадачь кого-нибудь, а лучше следователя уговори сделать. Сам пока собери бумаги и составь обзорную справку по Ванееву. К 10 часам в прокуратуру поедем, они по вчерашнему убийству уже заслушивание решили провести,— веско говорил он.

Свиридов вышел. Сотников направился в свой кабинет и

привычно включил чайник. Тот дружелюбно зашумел, а через пару минут уже подпрыгивал на тумбочке. Начальник УР налил в кружку кипятка и опустил пакетик с чаем. Отхлебнул, сел за стол. Он пытался воспроизвести в мельчайших деталях и систематизировать все данные по последнему убийству. Кто, почему, зачем — вот главные вопросы, на которые ему снова необходимо найти ответ. Неожиданно дверь кабинета широко распахнулась.

— Всё думаешь о таксисте? — улыбнулся Сергеев старому другу.

— Задумаешься здесь, — Сотников протянул руку: — К десяти в прокуратуре надо быть. О тёплых отношениях с прокурором рассказывать надеюсь не надо?

— Да уж, догадываюсь. Орать будет, аж слюни полетят!

— Работать надо, а они заслушивание придумали. Я бы и сам со следователем всё решил. Так неееет.

— А мы простых путей не ищем. Ты разве не заметил, как сказал один хороший поэт: «... почему-то среди ответственных, отвечающих не найти...». Эти своими совещаниями как раз и перекладывают весь груз ответственности на тебя, чтобы в случае чего виноватым выставить. Нового по делу чего-нибудь появилось?

Сотников отрицательно покачал головой.

— И вообще, Саня, ты же знаешь, на самые важные направления, как всегда людей не хватает. Сам бы вот тоже взял да и помог парням по раскрытию.

— Считай, что решили. Как заслушаешься, звони, — Сергеев поднялся со стула.

— Хоть что-то хорошее, — обрадовался Сотников, лишние руки не помешают: Сань, если к парням зайдёшь, скажи чтобы справку быстрее печатали и мне занесли.

—

В коридоре отдела кипела жизнь: задёрганный участковый вёл семейного скандалиста, торопились куда-то две девчонки из дознания, ещё не измотанные работой. Они прижимали к груди тощие папки уголовных дел и игриво посматривали на коллег. Эксперт тащил в кабинет перемотанный изолентой обрез, а на лестничной площадке замполит, нисколько не стесняясь в выражениях, отчитывал конвоира за его неряшливый вид. Глядя в пустоту, похихикивали на лавочке два слюнявых жулика, рядом с ними примостилась размалёванная девица, на которую похотливо поглядывал подпирающий стену пьянчужка.

Сергеев, влился в общий поток и направился к кабинету оперов. Ему был знаком этот шепутной галдёж. Он привык к нему также как люди привыкают к шуму станков в цеху завода, базарной толкучке или, наоборот, к тишине одинокого зимовья, затерянного в тайге.

Дверь кабинета оперов, почерневшая от времени и людской грязи, отворилась под нажатием руки Сергеева. Внутри кабинета царил полумрак, сигаретный дым расплывался по нему, застилая яркость и чёткость изображения. За столом возле старенького компьютера сидел стажёр Санька Игнатьев и под диктовку Свиридова, одним пальцем выбивал на клавиатуре нужные слова: «...при проведении подворного обхода жителей посёлка Застепь положительных результатов не достигнуто тчк. В целях раскрытия преступления зпт считаю необходимым.», — Свиридов прервался на полуслове и повернул голову в сторону открывающейся двери.

— Привет Управе! — воскликнул он увидев входящего Сергеева: — Ты же после дежурства? Чего это тебе ни отдыхается? Поди, из дома выгнали?

— Некому выгонять, Серёга. Так, в гости к вам зашёл. Там Сотник справку просит.

— Здравствуйте, Александр Романович, заканчиваем уже, — голос стажёра Игнатьева прерывался цоканьем клавиатуры: — Сейчас допечатаем и всё в порядке будет.

— Ты долби, не отвлекайся, — оборвал его Свиридов и продолжил диктовать: — Провести повторное обследование территории леса, в котором обнаружен труп, на наличие предметов, представляющих следственный интерес.

Сергеев сел на стул и закурил. Его дым добавлялся к уже витающим клубам от папирос Свиридова, извивался и сливался с ним в единую серо-седую курчавую бороду сказочного Черномора.

Кабинет оперов был одним из примеров кабинетов уголовного розыска: на стене красный флаг забытой советской эпохи; портрет с изображением «железного» Феликса; избитые гвоздями крышки столов, расшатанные стулья; на подоконнике горы старых справок, поручений; чьи-то изъятые ботинки и куртка завёрнутые в целлофан; опечатанный нож и растолканные по углам угрюмые сейфы. Перед глазами мелькнул календарь за 2005 год с надписью «Отпуск» красным фломастером через весь ноябрь.

«Вроде недавно зима была, а уже почти 6 месяцев минуло». Мысль о возможном заслушивании по результатам полугодия неприятно кольнула в груди опера.

— Ладно, пойду я, — затушив сигарету, Сергеев направился к выходу: — Хотя помыться, поесть после смены. Я на связи, если что.

— Саня, ты сегодня ещё заглянешь?

— Не знаю. Если Сотник позвонит, то, возможно, буду.

Сергеев вышел из отдела. Голова гудела, будто с похмелья, сказывалось бессонное ночное дежурство. «А где-то эти сволочи шастают», — мелькнуло в его голове. Он направился к дому. Солнце поднялось над крышами домов и освежило унылый городской пейзаж. Во дворе своего дома Сергеева ждала привычная картина в виде разбитых пешеходных дорожек, переполненных мусорных баков и безмятежно спящего на лавочке бородатого мужчины без определённого места жительства.

В одинокой холостяцкой квартире стояла манящая прохлада. Скинув ветровку, Сергеев отправился в душ. Потом пожарил яичницу, достал из холодильника банку пива и закурил. Задуматься было над чем, хотя по делу пока ничего нового нет. Да если что и появится, то только к вечеру. Банка пива и тишина дома медленно, но верно убаюкивали Сергеева. Да и бессонная ночь давала о себе знать. Через полчаса он уже спал на своём стареньком диване. Его квартира замерла, ожидая пробуждения хозяина. Холодильник временами тихо ворчал, телевизор вздыхал от бездействия и только сотовый телефон был на посту. В пять часов вечера сотик разбудил опера.

— Алло, — сонным голосом отозвался Сергеев.

— Саня, вставай, подходи быстрее в отдел, — Сотников говорил торопливо.

— Зачем?

— Зайдёшь ко мне, расскажу.

— Пип-пип-пип, — короткие гудки надрывали ухо Сергеева. Через несколько минут опер окончательно проснулся, вогнав пистолет в кобуру и вышел из дома. Вскоре он зашёл в ОВД и бодро прошагал в кабинет Сотникова.

— Романыч, пробили телефон с которого вызывали таксиста. Причём зарегистрирован именно на застепинского жителя. Не думаю я, что это простое совпадение. Поехали. Повезёт, может и машину найдём, — приступил сразу к делу Сотников.

— Поехали. А на кого симка зарегистрирована? — заинтересовано спросил Сергеев.

— Да девчонка какая-то. Поди, подруга одного из этих отмороzków.

— Ладно поехали, разберёмся, главное, чтоб дома была, — улыбнулся подошедший Свиридов.

Вскоре оперской «УАЗик» уже вёз своих пассажиров в Застепь.

В машине Сотников начал читать представление прокуратуры, поминутно хмыкая: «Во дают». Свиридов звонил жене и пытался объяснить, почему он снова задерживается, но та не стала его слушать и бросила трубку. Сергеев с виду безмятежно смотрел в окно, но внутренне был сжат, как готовая распрямиться пружина.

Ворчливый водила «УАЗа», он же по совместительству младший оперуполномоченный Гладков, напротив, не держал в себе ничего. Он яростно крутил баранку и, не смущаясь начальника выговаривался: «Который день мучаюсь со сцеплением, а постоять на ремонте хотя бы часа три—четыре не дают». Потом он, не выбирая слов, высказал всё, что думает о других участниках дорожного движения, ценах на бензин, и пожаловался на обнаглевшего жмота тыловика. Однако по мере приближения к адресу Гладков говорил всё тише, а по прибытию окончательно умолк.

— 4 —

Автомашина остановилась. Задача была рядовая. Но никогда не предугадаешь, чем закончится задержание. Не знал и Сергеев, только пальцы в очередной раз пробежались по кобуре, лишний раз убедившись, что пистолет на месте и всегда готов к действию.

— Вот этот, — указал Сотников на один из домов, стоявших на окраине села.

Дом как дом — таких много у нас в деревнях. Обветшавшая крыша, стены с облупившейся штукатуркой явно указывали на отсутствие ремонта и заботливого хозяина. Строение еле-еле держалось, доживая отпущенный ему век. Кособокий забор ещё скрывал внутренний двор, но широкие щели, пронизывающие его по всему периметру, показывали захламлённую территорию и понурые скелеты подсобных построек.

Осмотревшись, опера бесшумно проникли и распределились по направлениям прикрытия. Свиридов с водителем смотрели за окнами, а Сергеев с Сотниковым подошли к двери и попробовали её открыть.

— Изнутри на крючок закрыто, — шепнул Сотников, после чего несколько раз сильно и настойчиво постучал в дверь. Никто не ответил.

— Спят ханыги, видать, хорошо спиртяшки нажрались, — буркнул он вновь полушёпотом.

— Подожди, сейчас попробую открыть, — Сергеев медленно, сантиметр за сантиметром осмотрел дверной проем. Чуть выше дверной ручки, металлической чернотой блеснул крючок: — Андрюха, поищи проволоку или гвоздь.

— Сейчас гляну.

Ручка от сгнившего ведра оказалась очень кстати. Поднятый крючок, падая, лязгнул по колоде и замолчал.

— Тс—с, — шепнул Сергеев. Вынул пистолет и, держа его наготове, вошёл в дом. За ним последовал Сотников.

Привыкнув к темноте, Сергеев осмотрелся в сенях и продолжил поиски входа в дом. Вдоль стен в ужасающей неразберихе стояли сломанные, пыльные, грязные, ржавеющие кастрюли, бочки, лопаты, колеса, целая гора разнообразного тряпья и ещё много всякой дряни, собранной на городской свалке. Среди всего этого барахла, в углу сеней виднелась дверь, ведущая в дом.

— Плюшкин, блин! — ругнулся Сотников.

Осторожно потянув за ручку, Сергеев заглянул в проём и пропустил вперёд заждавшегося Сотникова. После чего сам прошёл в комнату. Воняло чем-то прокисшим или протухшим. «Ну и засранцы!» — мелькнуло в его голове.

Возле окна стоял совершенно жуткого вида стол, на котором вперемешку виднелись заплесневелые помидоры, хлеб с затушенным в нём окурком, какие-то банки из—под консерв. Дополняла этот натюрморт жижа непонятного цвета, залившая почти половину стола. На полу, возле печки, в трикушке и рваной майке лежал мужчина. Его храп и запах перегара наполняли всю комнату.

— Э—эй, хозяин очнись! — голос Сотникова гремел в комнате. Носком ботинка он легонько толкнул спящего, но реакции не последовало.

— Вставай, дядя! Хватит спать!— Сергеев взял со стола бутылку, с непонятной мутной жидкостью и стал поливать из неё мужчину. Жижка произвела оживляющее действие, мужик зашевелился и стал натягивать не существующее одеяло. Потом бессвязно заворчал, но просыпаться никак не хотел.

— Надо его на улицу вытащить, — предложил Сергеев.

Сотников безразлично пожал плечами, но помог Сергееву перетащить мужика на крыльцо дома. Видно было, что хмель постепенно покидает тщедушное тело, но всё равно крепко сидит в нём.

— Сейчас проснётся, — Сергеев наклонился над мужиком, нащупал пальцами сгусток нервов под ухом и надавил на него. Эффект последовал незамедлительно. Лицо мужика сморщилось, он попытался втянуть в плечи свою голову, потом замахал рукой, но Сергеев не отпус-

кал его. Наконец слышались полусонные маты, ругательства, угрозы, но глаза никак не открывались.

— Дядя! Ты меня слышишь?— голос Сотникова поверг мужика в шок, заставив замереть. Когда он всё таки открыл глаза, то испугано дёрнулся в сторону.

— Вы кто? — было видно, что мужик ошеломлён внезапным оборотом событий и не понимает, что случилось и где он находится. От перепоя он едва ворочал непослушным языком.

— Ты не бойся! Всё будет нормально. Нам твоей крови не нужно, — начал разыгрывать свою партию в предстоящем спектакле Сергеев: — Сейчас тихо и мирно поговорим. Если разговор мне понравится, получишь на опохмел, — голос Сергеева звучал напористо и уверенно. Обещание похмелить, тем более, что хмель уже дал о себе знать мучительной болью, превратило мужика в согласную на всё собачонку. Он даже перестал беспокойно осматривать подошедших Свиридова и водителя, уставился на Сергеева, молча кивнув ему.

— Тебя как звать?

— Сергей.

— Так вот, Серёжа, ты живёшь то здесь?

— Пока здесь обитаю, а что?

— И давно ты здесь обитаешь? — не обращая на любопытство собеседника продолжил Сергеев.

— Да с начала лета и живу. Свой дом у меня сгорел, а этот все равно пустует. Вот и решил пожить.

— Так если дом не твой, что ж ты его загадил? — вмешался в разговор водитель «УАЗа», и брезгливо отодвинул от себя комок какого-то тряпья.

— Да я и не гадил, вчера только посидели маленько. И всё. А так-то я не пью,— привычно оправдывался хозяин.

— То-то на роже у тебя так и написано — «здоровый образ жизни». Бухаешь как мерин, всё что можно, пропил уже.

— Пусть пропил! Не твоё же! — зазубоскалился Серега.

— Да я тебя счас порву, мразь алкашная! — не заставил себя ждать водила и замахнулся.

— Не тронь!— вспылил Сергеев.

—Ещё свидимся! — сверкнув глазами, Гладков вышел из дома и направился к машине.

Мужик проводил его мутным взглядом. Потом повернулся к Сергееву, видимо, посчитав его за старшего. Говорить с другими, как он счёл «бандитами», ему не хотелось. Поэтому рассказал Сергееву все, что сам знал.

Выяснилось, что дом пустует. Раньше в нём жила семья Аникиных, но года четыре назад сына посадили, за кражу в сельском клубе. У отца после этого сердце прихватило, а через пару лет его ногами вперёд из дома вынесли. Оставшись вдовой, его жена Мария пыталась держаться, но потом спилась и где она сейчас, не известно. У самого Серёги, фамилия которого Темников, в начале весны действительно сгорел дом. После чего он загулял, пропил подчистую, всё что у него осталось. Заботливые собутыльники предложили пожить в пустующем доме Аникиных. С этого времени дом стал притоном для всех алкашей в округе.

— Хорошо, Серёжа, верю,— докуривал сигарету Сергеев: — Андрей, ту-то девку как звали?

— Которая нужна? Сейчас. Дёмкина Оля. Знаешь такую? — обратился он к Темникову, которого мысленно окрестил «дед Мороз», за щетинистую морду и красный от пьянства нос.

— Не-е-ет, не знаю, но я ж не долго здесь живу. Я это...счас,— начал оправдываться «дед Мороз», не желая напрягать обстановку.

— Да не суетись,— прервал его Сергеев: — Кроме Аникиных и тебя здесь кто-нибудь жил?

Напряжённая работа мозга, ну или его остатков, привела к положительному результату. Казалось, что свету прибавилось в комнате, настолько вдруг радостным стало лицо «дед Мороза». Сотников скрытно улыбнулся в кулак, а Сергеев, преодолевая эмоции, старался спокойно смотреть на Темникова.

— Жила. Жила девка одна. Мне про неё мужики говорили. Они её ещё «Сонька» прозвали, за то, что воровала всё подряд. Она и после Аникинской жены здесь заведовала.

Сотников переглянулся с Сергеевым. У обоих в глазах был одинаковый вопрос: «Врёт?». И словно уловив их настроение, «дед Мороз» снова заговорил.

— Нет, точно-точно жила. Я её, правда, сам не видел, мне кореш рассказывал. Он тут не далеко живёт. Вы спросите он вам сам всё и расскажет.

Сотников снова переглянулся с Сергеевым:

— Ладно. Пойдём, покажешь.

Сергеев поднялся и вышел со двора на улицу. Закат почти скрылся за горой. Серые сумерки сгустились над лесом, а вдалеке блестела и манила своими огнями Чита. Вышедший Темников показал на один из домов, что стоял на обрывистом краю деревни.

— Только вы его там не бейте, он вам и так всё расскажет, — вдруг с дрожью в голосе залепетал Серега: — Можно, я с вами не пойду?

— Да успокойся, не звери всё—таки, — Сергеев протянул двадцатку в дрожащую руку Темникова: — Только не болтай никому, а то снова приеду!

— Да я никому. Да я ни за что, — уверял Темников сжимая деньги. Мысленно он уже вмазал спирта, заглушил головную боль и вновь стал владельцем своей судьбы.

— 5 —

Сергеев с Сотниковым подошли к дому, указанному Темниковым. Такому же покосившемуся, как и дом Аникиных. В грязных окнах, кое—где затянутых плёнкой, царила темнота. Хотя дверь, как выяснилось на пробу, была заперта изнутри. Попытки достучаться результата не принесли. В доме слышалось какое-то поскрипывание, но голоса никто не подавал. Обойдя дом, Сергеев постучал, поднятым камешком, в одно из уцелевших стёкол окна. Наконец послышалось сонное «мычание». Сергеев вновь несколько раз стукнул по стеклу. «Кто там ещё? Пошли все на х...! Голова болит», — прокуренный мужской голос, спросонок, еле выговаривал слова. Подражая ему, Сергеев сипло спросил в ответ: «Эй! Выпить хочешь?»

— А у тебя есть? — с интересом отозвался голос.

— Конечно! — для наглядности Сергеев поднял одну из валявшихся рядом бутылок и помахал ей перед окном: — Открывай!

— Щас я, щас. Уже открываю, — радостный, с предчувствием скорого опохмелья отозвался голос. Шлёпая босыми ногами, кто-то подбежал к порогу и открыл дверь.

— Здравствуйте, уголовный розыск капитан Сергеев. Предъявите документы,— опер выбрал самое свирепое выражение лица и соответствующий случаю тон.

Сияющая улыбка моментально сошла с лица открывшего дверь мужчины. Он сразу постарел и сторбился, будто какая-то тяжесть навалилась на его плечи. Вздохнув, он направился в темноту дома. Сотников и Сергеев проследовали за ним.

Александров Костя прожил всю жизнь в деревне. Учиться ему не очень хотелось, поэтому кое—как окончив восемь классов, он пошёл работать в пастухом в совхоз. Тогда же взял свою первую сигарету и выпил первую рюмку водки. К своим теперешним сорока годам он выглядел на все шестьдесят, но мысли прекратить пить и в помине не было.

В доме Александрова было немного чище чем в темниковском, видимо, сказывалось присутствие женской руки. Дочка Александрова, которая изредка приезжала к отцу, наводила очередной порядок и слёзно просила отца не пить. На что он всегда обещал и клялся бросить, но так и не смог отказать себе в очередной рюмке. Неделю назад он пропил последние остав-

ленные ему дочкой деньги. После чего скитался по односельчанам, пытаясь занять денег или встретить собутыльников.

Днём ему не повезло: он еле-еле наскрёб денег на 200 грамм спирта. Купил заветную жидкость и, как избалованный ребёнок, побежал домой. После выпитой дозы всяческие силы оставили Константина. Опустившись на четвереньки, он кое-как добрался до кровати и, не раздеваясь, уснул. Стук в дверь оглушил вновь заболевшую голову Александрова. Ему казалось, что в ней сидит какая-то злая бестия и долбил изнутри его изнывающий мозг. Предложение выпить не столь удивило, сколько испугало его. Боясь упустить редкую возможность заглушить похмелье, прежде чем закончится сон, Александров бежал к входной двери, будто за ней стоял сам господь Бог. Сухой голос Сергеева и предъявленное удостоверение окончательно вырвали его из сна. Будто вернувшись из сказки Андерсена в реальность, Александров вновь ощутил себя тем, кем и был – алкашом.

Словно в тумане, пройдя вглубь дома, он достал из—под шкафа целлофановый пакет, с единственно ценными вещами в доме — документами. Первое время он смотрел на Сотникова и Сергеева как на мифических существ. Даже протянув свой паспорт не спросил, зачем они к нему пришли. Из состояния небытия его вывел банальный вопрос Сергеева.

— Давно пьёшь?

— Давно, — стал приходить в себя Александров.

— Константин Дмитриевич, — Сергеев продолжал изучать паспорт Александрова: — А в деревне давно живёте?

— С самого рождения.

— тогда, наверное, всех в округе знаете?

— Ну так-то знаю, а вам кто надобен? — поинтересовался Александров.

Сергеев как будто ждал этого вопроса.

— Костя, у тебя соседка Соня была. Мне бы с ней потолковать. Ты, говорят, у себя её пригрел.

Лицо Александрова залилось краской. Побагровев, он как-то сразу перешёл на крик.

— Да кто ж змею у себя на груди греть будет? Я эту тварь хоть сейчас удавил бы. Сволочь! Ещё в моем доме её не хватало. Да похрена она нужна мне?

— Костя, ты успокойся, — бесстрастным голосом продолжил Сергеев: — Расскажи лучше, что случилось.

— Да рассказывать-то нечего, — обмяк Александров: Жену мою со света сжила, гадина, да меня тоже хотела туда отправить... Чтоб пригрести к рукам всё хозяйство. Хорошо хоть не прописал её. У вас сигареты не будет?

— Будет. Для хорошего человека ничего не жалко.

Глаза Сергеева блеснули в свете зажигалки. Пока Александров подкуривал опер разглядел его лицо. Волосы тёмные, как у молодого, ещё без единой проседи. Густые брови восседали над опухшими глазами, отросшая щетина затемняла грязное лицо. Во всем Александрове узнавался стандартный вид «алкаша-хомосапиенса», живущего от одной бутылки до другой.

— А как «Соньку» по-настоящему звали?

— Да кто ж её знает. Вроде Ольга. Только... Кто скажет, что это тоже не обман.

— Костя, поподробнее можно о ней.

— Да что подробней. Приходила, просила прописать, обещала заплатить. Только мы с женой сразу неладное заподозрили. Отказали. А она с бутылкой пришла, на следующий день. Только выпили маленько, чувствую, плохо мне. Очухался — ночь, еле поднялся. Смотрю — жена рядом. Попробовал поднять, а она холодная. Видать, сердце не выдержало. Потом у Аникиных змея эта жила. Думал я её засадить, написал куда надо, а участковый говорит, что нечего спирт жрать. Мол, от этого у жены и сердце прихватило. Я «Соньку» потом поймал, хотел

убить в горячке... — Александров замолчал и осунулся: — Да что-то рука дрогнула. Не смог... Такой твари жизнь оставил.

Глаза Александрова покраснели, а голос предательски дрогнул.

— Кость, а где сейчас её найти? — Сергеев пристально посмотрел в глаза Александрова. Даже в полутьме в них появился просвет сознания. Александров вздрогнул.

— Да кто её знает, где она? Такая сволочь хоть где может быть. Говорили, что на городской свалке видали. Вроде как приёмщица, — почти безразлично проговорил он.

— Ладно, Костя, бывай, — выходя из дома, попрощался Сергеев.

Александров сидел на табуретке. В голове его было тихо и спокойно. Он как будто что-то потерял, но искать это уже было поздно, да и незачем. Непонятно, что произошло, но какая-то частица грязи покинула его душу. Он молча сидел на табурете и смотрел в окно на «УАЗик», разрезающий темноту светом своих фар.

— 6 —

Раннее утро обдавало пронизывающей прохладой. Солнце лениво потягивалось, ослепляло глаза и только-только начинало вставать из-за горизонта.

Дежурный стоял на крыльце Черновского отдела, ожидая начальника. Семь часов утра. Он любил это время. Смена почти закончена, начальника ещё нет, телефон с рацией молчит и, наконец-то, можно насладиться тишиной.

Сотников сидел в кабинете и пил чай. Перед этим он уже позвонил Свиридову, чтобы тот пораньше приехал на работу.

Входная дверь с шумом открылась. Сотников привстал со стула.

— Здравствуйте.

— Здорово, Сергеич, — шаги Костроменко гулко звучали в стенах кабинета: — Что нового по убийству?

— Поедем на свалку. По информации, там мадам обитает, на которую симкарта зарегистрирована.

— Хорошо. Сам поедешь?

— Да. Звонил Свиридову, он с Игнатьевым должен подойти.

— А Сергеев?

— Его в управление вызвали. Позже подъедет.

— Хорошо. Позвони, как всё прояснится.

— Есть.

Костроменко вышел из кабинета. В проёме двери промелькнул запыхавшийся дежурный. Он спешил подписать у начальника и передать зарегистрированные материалы в канцелярию, чтобы скорее уйти домой.

С началом дня вновь начиналось суетное движение в Черновском отделе.

— 7 —

Дорога на свалку была сродни гонкам по бездорожью на выживание. Разбитая КАМА-Замаи и ЗИЛамаи, она превратилась в грязевую ванну с глубокими колеями, устанавливающими направление движения независимо от желания водителя. «Жигули», показывая чудеса манёвра и упорства, медленно двигались по этой дороге, обильно обливая свои бока жуткой смесью из грязи и помоев. А внутри автомашины, задыхаясь от духоты и вони, матерились сотрудники Черновской милиции.

— Сергеич, сам будешь машину мыть, — мрачнел водитель Леха, ни на секунду не отрывая глаз от дороги.

— Ты, главное, до места довези, а там решим. Хотя... Если хорошо заплатишь, может, и помою, — парировал Сотников.

— Вот все вы такие,— продолжал ворчать водила: — Я их везде катай, а они даже спасибо не скажут. Загнали в вонищу! А теперь ещё и денег просят.

— Воздадутся тебе все катания на том свете. Ты за дорогой следи.

Машину вновь занесло и окунуло в жижу.

Водители проезжающих грузовиков с удивлением смотрели на крохотную «Жигулишку», так далеко забравшуюся в трясины дороги, на которой даже они нередко буксовали.

Опера остановились на бугре, чуть в стороне от мусорного автобана.

— Андрей, видишь вон тот забор? — Свиридов указал Сотникову на груды металла, немного выделявшегося из общей массы. — Вот это и есть приёмка. Собирают всё, от металла до пластиковых бутылок.

— Та—ак. А те кто принимает, где живут?

— Там же. У них свой вагончик. Хозяин живёт в городе. Приезжает контролирует, а эти — так, «принеси, подай».

— Понятно. Тогда поехали к ним в гости.

День ещё не вошёл в полную силу, а вездесущий запах свалки уже разливался повсюду. Полчища мух кружились в этом потоке, будто небольшой самолёт гудел над грудями мусора. Кучи бутылок, труб, коробок, создавая иллюзию забора, нагромождались вокруг старой рубки от какого-то корабля.

лые иллюминаторы были заткнуты обрывками ватников и плёнки. Лоскут ткани прикрывал вход. Недалеко находилась «ароматическая» яма, а точнее туалет на открытом воздухе. Здешние обитатели вообще мало внимания уделяли людскому приличию и гигиене. У них давно вошло в норму не мыться годами, иногда справлять нужду в собственную одежду. В основном их заботило наличие спиртного и сигарет. Первое, как еда и способ согреться. Второе, как неотделимая составляющая. Хотя все остальные человеческие потребности, в том числе и платонического, любовного содержания, были им не чужды. При этом особых стеснений по этому поводу ни у кого не было, не взирая на возраст и половую принадлежность.

— Эй, хозяева! Пора просыпаться! — Сотников ногой отодвинул мешковину, висевшую вместо двери. В вагончике лежали кучи тряпья, которые через мгновение зашевелились и загомонили.

— Чё надо, — надрывался хриплый женский голос.

— Поговорить надо.

— Так заходи.

— Да на кой мне в вашу конуру лезть. Выходи! Милиция, Черновский ОВД! — звук шебурушания наполнил бывшую рубку. Сотников отошёл в сторону и стал ждать.

В проёме показалась бесформенная голова, потом прикрытое каким-то тряпьем тело с костылём подмышкой. Определить мужчина это или женщина с первого взгляда не получилось.

— Начальник, а чё случилось? — подал голос представитель человеческого рода.

— Сейчас остальные вылезут, потом объясню.

Сотников всё гадал кто перед ним: «Вроде мужик, хотя...»

Пока он думал, «мужик» отвернулся и поковылял к яме, бормоча что-то неразборчивое. А из недр рубки появлялись все новые и новые персонажи — грязные, вонючие. Но это всё равно были люди со своим сознанием, личностью, душой. Они оставались людьми, несмотря на всю ужасность их существования. Некоторые сами спились, некоторых выбросили как ненужный хлам на улицу, кому-то волею судьбы было уготовано столь жалкое существование. Но, все равно это были люди, к которым всегда необходимо по-человечески относиться.

Когда из-за тряпки показалась грязно—рыжая голова, у Сотникова засвербело: «Она!»

— Соня, — как бы случайно, негромко позвал он. Резким поворотом рыжая голова отреагировала на его восклицание, а глаза, стоявшей перед Сотниковым не высокой, худощавой женщины, на мгновение впились ему в лицо, но вдруг, отдёрнулись в сторону, будто обладательница глаз что-то вспомнила.

— Дёмкина Ольга Геннадьевна? — резко подступил к ней Сотников.

— Ну я. А чё надо? — пискляво—прокуренный голос резанул воздух.

— Давай отойдём. Поговорить надо.

— Не о чем мне с тобой, мент, разговаривать. Вы и так, суки, мне всю жизнь испохабили.

— Оля. Давай не будем грубить, — Сотников почувствовал, как у него перехватывает дыхание. — Если говорю, что надо потолковать, значит есть, о чем разговаривать!

Демкина зло уставилась на Сотникова: «Да пошёл ты! Мент поганый».

В следующее мгновение пальцы Сотникова крепко схватили руку женщины.

— Не хочешь по-хорошему? Значит, тогда в отдел поедем. Там будем разговаривать.

— Пусти, сука! — взвизгнула Демкина, пытаясь ударить Сотникова, но тот ловко перехватил нацеленную ему в лицо когтистую руку: — Твари! Пусти! Чтоб ты сдох! Вся ваша мусорня вздёрнется! Пусти меня, не трогай! — орала пытаясь сбежать Дёмкина: — Сука! Будь ты проклят! Гниль поганая!

И только после того, как подоспевший Свиридов застегнул на руках, всё еще орушей, Дёмкиной наручники, та, поняв, что сопротивляться бесполезно, обмякла и заплакала. Остальные обитатели корабельной рубки с ужасом и любопытством наблюдали за происходящим. Они привыкли быть чернью общества, не сопротивляться, а молча принимать всю его грязь. Затурканная их жизнь не могла и представить такого злобного нахальства, да ещё с сотрудниками милиции. Поэтому ужас осознания, что им придётся расплачиваться за грубость Ольги, сковал их. С другой стороны, им было интересно, чем же всё закончится. И только после того, как Ольгу усадили в машину, обитатели свалки начали приходить в себя. Чувство товарищества давно не было им знакомо, поэтому дальнейшая судьба Оли их мало интересовала. После отъезда «Жигулей», они также разбрелись по свалке собирать металл, бутылки и другие нужные вещи.

Всю дорогу Ольга не разговаривала. На все вопросы отвечала молчанием и только глазами давала понять, что не ушла в забытие, а находится вместе со всеми. Разговор в отделе также не принёс результатов. Ольга упорно молчала, не желая вступать в какие-либо контакты. Она злобно сверкала своими глазами на оперов, иногда плакала и уходила в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.